

Андрей Львович Ливадный

Последний из Бессмертных

Аннотация

Лишь оказавшись на неведомой планете, галактикапитан Иван Таманцев понял, что его успешный побег из плена оказался кем-то подстроен. Загадочные изменения в собственном организме вызвали у бесстрашного воина ужас. Но для него это было только начало эпопеи... А подлинная история планеты с многозначительным названием Рок насчитывала уже несколько миллионов лет. Именно здесь голубокожие хараммины создали биологическое оружие для борьбы с разумными насекомыми, мигрирующими под натиском Предтеч по всей Вселенной. И когда за тысячу лет до аварии истребителя Ивана Таманцева здесь

высадились колонисты с Земли, они сразу же подверглись мутации. Теперь подобная участь грозила уже всем обитателям Вселенной...

Пролог

Медленный танец теней наполнял помещение.

Под сводами величественного зала на фоне имитации клубящихся облаков лазерные лучи чертили бледные, обладающие объемом, но все же призрачные фигуры людей и машин.

Девушки, скользившие в грациозных движениях танца, то исчезали, то появлялись вновь, под стать тем эфемерным фигурам, что медленно брели по заросшей мхом древней дороге.

Музыка звучала грозно и

величественно, но в ее глухие раскаты резкими нотами врывались пронзительные звуки, заставляющие сжиматься сердца.

Страх и надежда.

Страх и надежда...

Два слова, из которых складывалась жизнь.

Флора стояла у стены и смотрела то на танец подруг-теней, то на исторически достоверные картины, появляющиеся под сводами.

Обычно сцены из прошлого, просмотренные уже сотни раз, переставали вызывать ответные чувства, но сегодня что-то произошло в ее душе, и Флора вновь, как в детстве, сопереживала им – призракам, многие из которых еще живы.

Вот под сводами зала проявился фрагмент чернильной бездны, брызнули яркими, немигающими

точками россыпи звезд, и, затмевая узор созвездий, вдруг появилась громада космического корабля: сфера, скупно обозначенная навигационными огнями, с шестью утолщениями, обнимающими ее, как руки, и с хорошо читаемой надписью на борту:

Земля. Колониальный транспорт «Надежда».

Щемило сердце, и Флора не понимала – почему.

Вроде все как обычно, и не девочка уже давно, чтобы в тысячный раз сопереживать лазерному шоу, но что-то все же происходило, вот только понять, что именно, не удавалось, она лишь чувствовала, как звездная бездна вновь приобретает осмысленное значение, превращаясь в путь...

Но кто же мог прийти оттуда, из коварного пространства, таящего лишь холод и смерть?

Никто из присутствующих в зале уже очень давно не питал иллюзий относительно далекой, почти позабытой, недостижимой прародины. Земля осталась там, за чужими узорами созвездий, и более не давала о себе знать.

«Что же со мной сегодня?»

Не хватало еще расплакаться, увидев иные картины, — их обязательно нарисуют лазеры, после того как объятый пламенем посадочных двигателей колониальный транспорт «Надежда» коснется опорами новой родины, которую выжившие назовут — Рок.

«Нет, не могу».

Не хотелось, чтобы кто-то из эмгланов (а их полно в зале) почувствовал ее состояние.

«Лучше выйду, прогуляюсь по свежему воздуху. Розы в самом цвету —

любимое время года, не время для тоски».

– Уже уходишь? – настиг ее знакомый, чуть насмешливый голос.

Она обернулась уже на пороге зала.

Танец теней завершился, под сводами угасали последние величественные аккорды, а к ней, рассекая толпу, шел метаморф.

– Привет, Райбен. – Флора все же заставила себя улыбнуться – мило и беспечно.

– Прекрасно владеешь собой. Мне казалось минуту назад, что ты готова расплакаться.

– Верно. А как на душе у тебя?

Райбен задумался.

– Ты считаешь, Шодан, у метаморфов есть душа?

– Ты неисправим, – упрекнула Флора. – Душа есть у каждого.

– Только у некоторых она замерзла,

будто заготовленная впрок рыба, – фыркнул Райбен и предложил Флоре руку. – Пойдем, прогуляемся. Мне тоже почему-то душно сегодня.

Они вышли под настоящие звезды, не такие яркие, чуть помаргивающие на небосводе.

– Как ты думаешь, мы можем ощущать что-то вне Рока?

– Вне? Это как?

– Ну, там, в космосе?

– Не понимаю тебя, – нахмурился Райбен. – Космос холоден и далек, в нем нет жизни, значит, нечего и ощущать, верно? Впрочем, спроси у эмгланов, они, наверное, лучше растолкуют тебе границы возможного восприятия.

– Мне почему-то сегодня кажется, что космос на самом деле не так пуст и враждебен, как принято считать.

– Ну, даже если и так? Нам-то что?

– Мне кажется, что-то грядет, – загадочно произнесла Флора. – И от предчувствий нет покоя.

– Ты просто сегодня не в духе. А может, ты влюбилась? – Райбен изобразил на лице участливое беспокойство. – Ну, скажи, кто твой избранник?

– Прекрати смеяться надо мной. – Флора внезапно помрачнела. – У меня такое чувство, как будто там, в бездне, погибает человек. А я... Я ничего не могу поделать. Не могу помочь ему.

– Ты просто хандришь. Слушай, а давай поедem кататься? Наперегонки. По городу!

– С ума сошел? Час сервов вот-вот наступит.

– Ну и что? Подумаешь – сервы. Мы же, в конце концов, оперативники. Можно хоть раз использовать служебное положение в личных целях?

– Ладно, – нехотя согласилась Флора.

...

Удар аварийно-спасательной катапульты, мгновенная перегрузка, почти до потери сознания, потом – медленно проступающие на фоне космоса яркие россыпи звезд.

Сейчас, после изматывающего боя, хотелось закрыть глаза и больше ничего не видеть.

Он сделал все, что в человеческих силах, но...

Конвой уходил в гиперсферу, а рисунок звезд внезапно затмили стремительные контуры каперских истребителей.

Один из них вдруг засиял, как солнце, врубив двигатели торможения, и через несколько секунд электромагниты удержания подхватили капсулу с катапультировавшимся пилотом.

Он ничего не мог поделаться, хотя понимал, что плен может оказаться худшим исходом, чем смерть в бою.

Часть первая «Слепой Рывок»

Глава 1

Планета Ганио.

3870 год галактического календаря

Узкая лестница с истершимися от прикосновения тысяч ног каменными ступенями вела от второго уровня мегаполиса к скалам, а затем, огибая сглаженные временем выступы горных пород, карабкалась ввысь, навстречу беспощадному сиянию звезды Халиф.

Туристы не замечают контрастов, на которых построена цивилизация «Колыбели Раздоров». Здесь

современный город соседствует с древними укреплениями, миллионы искателей приключений, наемников, авантюристов, беглых преступников, сумасшедших, исследователей, непризнанных гениев и просто потерявших себя, утративших смысл жизни людей живут рядом, бок о бок, тут, кажется, дозволено все, но... только с одобрения Кланов.

Чтобы получить реальное представление о Ганио, мало набраться смелости (или безрассудства), совершить межзвездный перелет и, сойдя с борта комфортабельного челнока, вдруг оказаться посреди... пустыни. Мало увидеть утопающий в песках космический порт и возвышающийся среди движущихся барханов мегаполис, нужно остаться тут, утонуть в коловращении миллионов непохожих и ярких судеб, а

затем найти в себе силы вынырнуть.

Редко кто прилетал сюда по зову сердца.

В основном у каждого из эмигрировавших на Ганио людей за плечами оставалась трудная жизнь, незавершенные дела и нелады с законом.

Длинная, вырезанная в камне лестница еще раз повернула, огибая скалу, и оборвалась темным зевом входа в пещеру.

На небольшой площадке между острыми гранитными глыбами, в тени, пристроились два ганианца. Рядом на треножном станке стоял крупнокалиберный импульсный пулемет с разбитым экраном целевого монитора и обрывками разлохмаченных оптических кабелей в том месте, где изначально крепился блок кибернетической системы,

позволявшей оружие исполнять охранные функции без участия человека, в автоматическом режиме.

Все же дикий народ... – невольно подумалось Ивану.

Патологическое недоверие ганианцев к любым приборам сложнее ударно-спускового механизма уже давно стало притчей во языцах, однако у галакткапитана Таманцева, не очень-то доверявшего слухам, была возможность убедиться – все так и есть. Правда, это утверждение касалось рядовых воинов, с клановой знатью он еще не успел познакомиться и потому не торопился делать окончательные выводы.

Двое охранников лениво покосились в его сторону, затем один из них нехотя встал и, сделав угрожающий жест – *стой, где стоишь*, – исчез в темноте тоннеля, ведущего в глубь скалы.

Через минуту он вновь появился на

площадке, подошел к Ивану, грубо обыскал его и молча подтолкнул к входу.

Внутри было темно. После яркого света, источаемого полуденным Халифом, глазам требовалось время на адаптацию.

Никто не встретил пленника, и галакткапитан спокойно дождался, пока зрение свыкнется с сумраком. Наконец он стал различать стены: никакой отделки, видимых датчиков или протянутых вдоль тоннеля коммуникаций, хотя тусклые пятна желтоватого света указывали на энергопотребляющие источники неяркого освещения.

Медлить дальше показалось бессмысленным, и он пошел вперед. Через десяток метров тоннель вывел его в просторную, но не очень большую пещеру. На полу лежали ковры, стены

скрывали драпировки, из предметов мебели присутствовал стол на гнутых ножках, пара аскетического вида скамей и нечто, напоминавшее резное противоперегрузочное кресло, в котором восседал хозяин представшего взгляду галакткапитана неброского великолепия.

Несмотря на невыносимую жару снаружи, в пещере царила прохлада. Иван невольно поискал взглядом устройство кондиционирования, но датчики импланта не лгали, прохлада пещеры оказалась явлением естественным.

– Садись, – раздался хриловатый, усиленный эхом голос ганианца.

Иван не торопился подчиняться распоряжению.

– Не ломайся, как туристка, джелави, – вновь с легкой хрипотцой заговорил ганианец. – Мы воины, и нет

смысла враждовать взглядами. Ты храбро сражался и заслужил уважение. – Он жестом указал на скамью. – Меня зовут Файзулло. Я старший в совете клана Джавгет.

Иван присел на жесткую скамью. Начало аудиенции ему не понравилось. В словах ганианца уважение звучало наигранно, а вот угроза в тоне казалась откровенной.

Он продолжал молчать, придерживаясь избранной тактики поведения. Терять ему все одно нечего. Если Файзулло так приспичило – пусть говорит.

Тот не заставил себя ждать. Поерзав в старинном кресле, вырезанном умельцами из огромного корневища какого-то дерева, ганианец продолжил:

– Ты молчишь. Спрашиваешь себя, что с тобой сделает клан в отместку за четыре уничтоженных истребителя?

– Я молчу, потому что мне нет нужды говорить, – решил расставить правильные акценты Таманцев. – Твои люди напали на гражданский конвой. Совершили преступление. Я же исполнял свой долг. Мне жаль тех, кого твоя алчность послала на смерть.

– Заблуждаешься. – Интеранглийский ганианца был очень даже неплох. Странное складывалось впечатление. Древняя пещера, отсутствие бросающихся в глаза кибернетических устройств, кажущийся аскетизм интерьеров, два туповатых охранника у входа, словно сошедших со страниц учебника древнейшей истории... и холодный, лживый, жестокий взгляд Файзулло, его насмешка, прячущаяся в уголках упрямо поджатых губ, правильное произношение, невольно указывающее, что образование ганианец получил на

одном из центральных миров, скорее всего на Кьюиге...

Иван, до того как стать пилотом аэрокосмического истребителя, окончил общевойсковую академию ВКС и пять лет прослужил в спецподразделении космического десанта. О специфике персональной подготовки офицеров сил быстрого реагирования знали лишь сами абитуриенты да их преподаватели, поэтому Файзулло зря расслабился, изображая недалекого, но и не кровожадного шейха средней руки. Таманцев многое подмечал по едва уловимым теням, что пробежали по лицу ганианца, по его манере говорить, держать себя...

– Заблуждаешься, джелави. Из моих людей не пострадал никто, сбитые тобой истребители действовали под управлением модулей «Одиночка». А

теперь... – Файзулло подался вперед, почти привстав с кресла, облокотившись о разделяющий их стол, – теперь подумай, сколько стоит один модуль системы искусственного интеллекта?

Таманцев пожал плечами. На риторические вопросы он отвечать не собирался. Модули «Одиночка» ценились очень высоко, потому что были запрещены к производству, продаже и эксплуатации частными лицами. Системами искусственного интеллекта оснащались только боевые единицы флота, подчиненные непосредственно Совету Безопасности Миров.

– Правильно, много, – по-своему расценил его невозмутимость ганианец. – Поэтому мои люди и не бросили тебя подыхать в капсуле пилот-ложемента после

катапультирования. Что мне толку в смерти такого искусного и отважного пилота, как ты? Кто вернет клану стоимость уничтоженных машин?

Таманцев лишь пожал плечами в ответ.

– Ты вернешь, – прошипел Файзулло, на секунду выпуская на волю свою истинную сущность. – Можешь и дальше молчать, но не думай, что я позволю тебе умереть легко. Нет. – Он вновь откинулся на спинку старинного кресла, напуская на лицо маску невозмутимости. – Знай, что конвой все же не смог уйти в гиперпрыжок. Торговцы – люди сговорчивые. Они пожертвуют всем ради спасения собственной шкуры. Я даже соглашусь отпустить некоторых из них... не безвозмездно, конечно, а в обмен на маленькую услугу. Они дадут интервью ведущим каналам галактических

новостей, где расскажут, как галакткапитан Таманцев предал их, вступив в сговор с ганианскими пиратами. Я дам им запись, сделанную в тот момент, когда мои люди подбирали в космосе твою капсулу с пилот-ложементом и почтительно сопровождали тебя в медицинский отсек корабля. – Файзулло усмехнулся, довольный своей изобретательностью. – Обломки твоего истребителя превращены в излучение и космическую пыль. Не сохранилось ни «черных ящиков», ни других источников информации, свидетельствующих о том, что капитан Таманцев дрался и уничтожил четыре ганианских корабля. И твой ведомый никогда никому ничего не расскажет. Его машину сожгло ударами плазмы. Но торговцы обязательно упомянут, как ты сначала расстрелял своего ведомого

и лишь потом катапультировался, позволив пиратам беспрепятственно догнать и захватить конвой.

Таманцев молчал.

– Спрашиваешь себя: что дальше? – Ганианец зловеще усмехнулся. – Если ты скажешь мне «нет», я выпущу тебя отсюда живым, клянусь Шиистом. Сам понимаешь, отмыться ты уже не сможешь. Мне нет смысла пачкать руки в крови – выброшенный на улицу, ты станешь нищим на паперти Ганиопорта, вот самый лучший вариант, а могут быть и худшие. Например, рабство: не все люди моего народа живут в мегаполисе. Многие, как и встарь, кочуют по пустыням. Они совсем дикие, – хохотнул Файзулло. – Им постоянно нужны рабы, чтобы ухаживать за верблюдами. Медленная смерть в пустыне растянется на годы...

Иван уже минуту мысленно

уговаривал себя не сворачивать шею этому ублюдку немедленно.

Пусть выговорится наконец. Надо узнать, что он хочет. К чему такие предисловия?

– Если ты правильно меня понял, капитан, клану необходим опытный пилот. Нам нечем заменить уничтоженные тобой модули искусственного интеллекта. Пока нечем, – уточнил Файзулло. – Приобретение новых – дело времени. А время нам сейчас очень дорого. Есть грузы, которые нужно сопровождать, и доставлены они должны быть вовремя. Тебе предстоит совершить четыре рейса. По одному за каждый уничтоженный истребитель. Миссии конвоя, если тебя волнуют детали.

Таманцев продолжал молчать.

Сказки Файзулло его не интересовали. *Совершишь четыре*

рейса, и мы тебя отпустим.
Подобным обещаниям не поверит даже стажер-первогодка.

Таманцев оценивал свои шансы. Информационная западня, которую ганианец, видимо, считал вершиной искусства шантажа, выглядела смешно. Ему не придется доказывать собственную невиновность. Прежде чем вступить в бой с превосходящими силами противника, он отстрелил капсулу с нанопылью, которая тут же раскрылась, позволив своему содержимому рассеяться в пространстве. Высокотехнологичные микрочастицы фиксировали все, начиная от переговоров между кораблями конвоя и заканчивая подробными сигнатурами боя, видеоизображением и прочими деталями, вплоть до автоматически посылаемого системой спасательной

капсулы отчета, свидетельствующего о том, что на момент катапультирования галакткапитан Таманцев израсходовал весь бортовой боекомплект, а его истребитель получил критические повреждения.

Рассудок работал быстро, но не лихорадочно.

Допустим, я сейчас придушу Файзулло. Два его охранника не в счет, с ними тоже справлюсь, но что дальше? Оперативных связей на Ганио у меня нет. Мстительность кланов известна всем, так что попасть на борт челнока или грузового корабля, стартующего из Ганиопорта, мне не светит. Подыхать в пустыне? Много чести этим отморозкам.

Уйти во время выполнения предложенного задания мне также не дадут. Значит, остается один выход – действовать немедленно, но

осмотрительно.

— Где гарантии? — медленно осведомился Таманцев, заставив Файзулло поперхнуться очередной фразой.

— Ты о чем?

— Какие у меня гарантии, что, совершив эти рейсы, я получу свободу, а не отправлюсь ухаживать за верблюдами?

Ганианец прищурился.

— Ты все понял правильно, да? Тебе некуда деваться. — Файзулло вдруг спохватился, осознав, что начинает болтать лишнее. — Можешь не беспокоиться. Мое слово как скала.

Скорее, как лживый песок, меняющий очертания барханов... — мысленно уточнил Таманцев, но вслух эту тему развивать не стал.

Изобразив глубокую задумчивость и сомнения, что было совсем несложно в

его положении, Иван нехотя, через силу стал задавать уточняющие вопросы:

– Тип истребителя, на котором мне предстоит лететь?

Файзулло брезгливо поморщился. Непонятно что означала его мимика: презрение к внезапно сломавшемуся офицеру ВКС Конфедерации или пренебрежение той техникой, которая находилась сейчас в его распоряжении.

– Старый, – коротко ответил он. – «Фантом».

– Насколько старый? В каком состоянии бортовые системы? Когда осуществлялся полный технический осмотр? – Теперь вопросы сыпались на ганианца, как твердые горошины.

– Совсем старый, – нехотя признался тот.

– Вылет когда? – продолжал напирать Иван, не давая опомниться своему «работодателю».

– Завтра. С восходом.

– Когда машина поднималась в воздух в последний раз?

– Что ты меня допрашиваешь?! – не выдержав, взъярился Файзулло. – Ты говоришь «да» или «нет». Все остальное – не твое дело. К утру машина будет готова к вылету.

– Ты, наверное, не понял, уважаемый, – взгляд Таманцева стал холодным, пустым, не выражающим ничего, кроме угрюмой решимости идти до конца в некоторых жизненно важных вопросах. – Я не хочу иметь дела ни с кочевниками, ни с верблюдами, ни с истребителем, которому прорва лет, – то есть не собираюсь умирать, если говорить прямо. Короче, лететь не отказываюсь, но меня не устраивает ни один из предложенных тобой способов свести счеты с жизнью.

– Шаранг! – выругался Файзулло. – Чего же ты хочешь?!

– Вылет утром. Раз наш разговор состоялся, значит, кому-то обязательно нужно, чтобы истребитель поднялся в космос. Если твои люди выволокли его из какого-нибудь заброшенного ангара, стряхнули песок и подключили стационарное питание, – это еще не значит, что машина готова к старту. Тебя лично устроит, если этот «Фантом» развалится на взлетно-посадочной полосе?

– Нет. – До ганианца, похоже, начал доходить смысл обеспокоенности пленного пилота. – Ты хочешь сам взглянуть на истребитель?

– Не взглянуть, а протестировать все системы, подготовить «Фантом» к старту, иначе ни завтра утром, ни в обозримом будущем машина не оторвется от земли.

– Много говоришь... У меня хорошие техники. Я плачу им деньги!

– Тогда я лучше отправлюсь в пустыню. С верблюдами протяну дольше, – отрезал Таманцев.

Файзулло насупился, размышляя над сложившейся проблемой.

– Ладно... – наконец шумно выдохнул он. – Бежать ты все равно не сможешь. Иди. Тамриз проводит тебя. Справишься хорошо – получишь деньги. Может быть, тебе и не захочется покидать Ганио.

– Посмотрим, – мрачно ответил Таманцев, стараясь не выходить за рамки выбранной для себя роли.

* * *

Космопорт планеты Ганио имеет гораздо более древнюю историю, чем предполагает официальная версия его

возникновения.

Эксплуатирующиеся в
современности взлетно-посадочные
поля, грузовые терминалы, само здание
космического порта действительно
построены четыре столетия назад в
период экономического расцвета
первой Конфедерации Солнц. Несмотря
на то что система звезды Халиф
никогда не входила в Конфедеративное
содружество, исторически являясь
независимой, гуманитарная миссия
Совета Безопасности Миров вложила
немалые деньги в попытку приобщить
«Колыбель Раздоров» к плеяде
цивилизованных миров.

Таманцев понятия не имел, как в
кулуарах большой политики рождаются
подобные идеи. Планета Ганио уже
тогда печально прославилась как
надежное прибежище пиратов,
контрабандистов и наемников, причем

коренные жители колонии, прошедшие через века регресса, представляли наименьшую опасность, — настоящие проблемы исходили от изгоев, нашедших приют на Ганио. Именно они организовывали тайные стартовые площадки, содержали ремонтные доки и перевалочные базы для различных нелегально ввозимых на планеты содружества грузов. Клань Ганио лишь получали определенную мзду с теневого оборота, да еще редкие смельчаки из числа ганианцев решались ступить на борт космических кораблей, пополняя разномастные экипажи пиратских судов.

В Совете Безопасности бытовало иное мнение: там было принято считать, что именно клань стоит у истоков всех проблем, связанных с базирующимися на планете вооруженными формированиями.

Кто-то заработал себе политические имя, возможно, тут оказались замешаны финансовые аферы. Иван, конечно, не знал истины, он видел лишь результат сомнительной «гуманитарной акции»: не входящая в содружество планета получила современный космический порт. По официальной версии, появление космопорта должно было придать новый качественный импульс межзвездной торговле, проникновение благ цивилизации — изменить образ мышления ганианцев, а на поверку все произошло ровно наоборот. В течение полувека кланы Ганио подмяли под себя все остальные группировки, обложили данью свободных торговцев, пиратство на гиперсферных трассах расцвело с новой силой, а все попытки жестко контролировать космический порт планеты и прилегающую к нему

«свободную экономическую зону» с треском провалились.

Таманцев знал о давней истории, но наблюдать последствия захвата Ганиопорта кланами и выдворения отсюда всех специалистов Конфедерации ему представилось впервые.

Сопровождавший его воин по имени Тамриз равнодушно взирал на поваленные секции защитных ограждений, открывшие доступ пескам пустыни на территорию стартопосадочных полей. Для ганианца изменчивый рельеф перемещающихся по воле ветра барханов являлся привычным, заурядным пейзажем. Молчаливого конвоира совершенно не волновали остатки древних сооружений или участки пожелтевшего стеклобетона, которые стали попадаться на глаза километров за

десять до современного (также частично разрушенного) периметра космопорта.

Иван же, напротив, обращал пристальное внимание на обнажившиеся из-под песка руины, тем более что ганианец вел его, постоянно забирая вправо, словно конечная цель лежала вне площади выстроенного несколько веков назад комплекса.

По долгу службы Таманцев знал, что планета Ганио была вторично открыта военно-космическими силами Земного Альянса. В период Галактической войны тут располагались ремонтные площадки технических космодромов. Отдавая дань исторической справедливости, нужно отметить, что ганианцы, которых во время войны привлекали для охраны объектов, а некоторых даже обучали управлению ремонтными механизмами, сыграли в

послевоенный период значительную роль в разгроме так называемого Космического Халифата.¹

Таманцев еще во время «аудиенции» у Файзулло заподозрил, что «Фантом», которым ему предстоит управлять, сохранился с той далекой поры.

Похоже, он не ошибся.

Пески ганианской пустыни хранят множество тайн. Находясь в постоянном движении, они то приоткрывают вуаль столетий, то вновь погребают под барханами свидетельства былых событий.

Однако этой ночью на помощь силам природы вышла тяжелая техника. Таманцев и Тамриз постепенно приближались к месту настоящих раскопок. Звезды, ярко сияющие на черном, безоблачном небе, начали

¹ Космический Халифат образовался в результате захвата шести резервных баз Земного Альянса на планетах скопления Ширана. Завладев базирующейся там техникой, потомки колонистов – выходцев с Ближнего Востока Земли предприняли попытку захвата ряда планет. Подробнее об этих событиях в романе «Последний Рубеж».

тускнеть, их серебристый свет вытесняло желтоватое зарево от фар и прожекторов.

Иван попытался заговорить с конвоиром, но ответа не удостоился.

Впрочем, многое было ясно и без комментариев. Пользуясь ночной прохладой и относительным затишьем, ганианцы вывели в пустыню десяток старых, так и оставшихся не у дел почвоукладчиков. Используя

бульдозерные ножи, они расчищали фрагмент древней инфраструктуры одной из ремонтных площадок, сохранившейся под песками еще со времен бытности на Ганио сил Земного Альянса. Ступив на желтоватый стеклобетон, Таманцев остановился, окидывая взглядом панораму раскопок. Очевидно, люди кланов знали о существовании древней базы и точном месте ее расположения: расчищенная

взлетно-посадочная полоса вела к наклонным створам подземного ангара. Два тягача, преодолевая сопротивление утративших функциональность механизмов, раздвигали бронированные ворота, над пустыней слышался скрежет ломаемого металла, гнусаво завывали двигатели, слышалась бессвязная брань.

На появление Тамриза и Таманцева никто не отреагировал. Охранники, выставленные по периметру расчищенной от песка площади, лишь покосились в их сторону, но, узнав конвоира, почтительно расступились.

— Туда, — на ломаном интеранглийском произнес Тамриз, указывая на сдвинутые по направляющим створы модульных ворот.

Таманцев молча кивнул, продолжая цепко фиксировать взглядом

обстановку.

На взлетно-посадочной полосе, перегораживая ее, застыли два почвоукладчика. Оценив дистанцию до ворот подземного ангара, Иван мысленно порадовался бесхитростной предусмотрительности ганианцев. Они заблокировали взлетную полосу, а значит, не станут проявлять излишнего беспокойства, когда он поднимется на борт аэрокосмического истребителя. Пока он и Тамриз шли к пологому, уводящему под пески пандусу, мимо медленно прополз заправщик, доставивший топливо для планетарных и маневровых двигателей.

В ангаре было светло. Сюда загнали два вездехода, осветив древнее помещение при помощи установленных на треногах прожекторов.

«Фантом» застыл в центре разметочного круга. На полу ангара

Иван не заметил следов песка, что порадовало пилота. Помещение бункерной зоны на протяжении полутора тысяч лет сохраняло герметичность. По всей видимости, ганианцы не так давно обнаружили место консервационной стоянки истребителя.

— Мне нужно поговорить с техниками, — обратился Таманцев к своему молчаливому спутнику. — Файзулло заверял, что тут работают специалисты.

Тот лишь кивнул в ответ, жестом подозвав двух наемников.

— Что скажете? — без длинных вступлений обратился к ним Таманцев.

Двое техников явно не принадлежали к числу пленников, они работали здесь добровольно, об этом свидетельствовала их одежда, манера держаться, — на Ивана оба смотрели

свысока, едва ли не с презрением.

– Ты пилот? – спросил один из них, беззастенчиво оценивая взглядом Таманцева.

Иван кивнул. Сдерживать себя приходилось постоянно.

– Ну, и где тебя откопал Файзулло? – спросил второй.

– Не твое дело, – огрызнулся Иван. – Машину расконсервировали?

Оба техника поначалу опешили, потом в их глазах проявилась ярость. Очевидно, они привыкли к своему привилегированному положению, не гнушаясь пользоваться им. Таманцев наверняка являлся не первым пленником, с которым они сталкивались, и тон капитана совершенно не понравился наемникам.

Чтобы избежать ненужной сейчас конфронтации, Иван тихо шепнул на ухо одному из них:

– Где меня «откопали», не важно. Будем тратить время на препирательства, Файзулло на рассвете зароет вас обоих под ближайшим барханом. Или я не прав?

Техник отшатнулся, словно его ужалила змея, затем, обуздав вспышку ярости, все же ответил:

– Внутри мы не поднимались. Запустили командные последовательности через порт внешнего доступа. Реактор вроде «дышит». Остальное проверяй сам. Мы не самоубийцы. Машине полторы тысячи лет.

– Доступ в рубку разблокирован?

– Да. Мы ввели технический код. Киберсистема сейчас на полуавтомате, как положено при плановом обслуживании.

– Начинайте подачу топлива для планетарных двигателей. – Иван

повернулся, нашел взглядом лесенку из легкого металлокерамического сплава, приставил ее к борту машины и, не размениваясь на дальнейшие словопрения, начал подниматься к люку. – Людей из ангара уберите. И вездеходы. Лишний свет мне не нужен.

– Ты что задумал?

– Тестовую продувку сопел, – не оборачиваясь, ответил Иван. – Кому надоело жить, пусть остаются.

Последние слова потонули в шипении пневматики – люк, расположенный в борту «Фантома», начал открываться.

* * *

Оказавшись в рубке аэрокосмического истребителя времен Галактической войны, Таманцев испытал двойное чувство. С одной

стороны, его взгляд безошибочно угадывал предназначение многочисленных приборов, с другой – каждый сантиметр панелей управления, окружающих пилот-ложемент, казался лишь смутно знакомым. Неимоверная древность машины – родоначальницы многих модификаций современных АКИ класса «Фантом» – заставляла действовать с особой осторожностью.

План Таманцева, сильный своей дерзостью и слабый множеством «если», начал воплощаться в конкретных действиях, как только он, надев скафандр, занял противоперегрузочное кресло.

Тест бортовых систем помог ему окончательно разобраться с приборами. При включенном полуавтоматическом режиме он, как и любой техник, мог отрабатывать лишь определенный набор действий, проверяющих

системы, но не ведущих к инициализации стартовых последовательностей.

Код для полного доступа мне, конечно, передадут. Но утром, непосредственно перед началом операции , – подумал он. Скафандр, извлеченный из специальной ниши, казался неудобным и слишком громоздким. Обнадеживало лишь то, что все системы гермоэкипировки включились без задержек и сбоев.

Последние несколько часов Иван действовал холодно, расчетливо, обуздывая чувства, опираясь только на силу воли. Вырваться из плена – вот единственный мотив, руководивший его действиями.

Не будь за плечами Таманцева суровой школы службы в десантных подразделениях и многолетнего опыта пилотирования аэрокосмических

истребителей, Файзулло мог бы торжествовать.

Нет, такого удовольствия я ему не доставлю. – Решимость Ивана не имела ничего общего с отчаянием или бравадой, он шел на осознанный риск, потому что любой иной исход, кроме обретения свободы, был для него хуже смерти.

Как любой нормальный человек, он испытывал всю гамму противоречивых чувств, но они не руководили галактикапитаном. Иван никогда не заигрывал со смертью – слишком часто приходилось смотреть в ее пустые глаза, чувствуя на губах холодное прикосновение неизбежности. У каждого свой способ борьбы с липким страхом, Таманцев научился давить его, загонять в глубины подсознания, позволяя своему рассудку в минуты предельной опасности пить ощущения

рассчитанного риска, когда каждое действие воспринимается, как некий драйв...

Вот он – заветный текстоглиф на панели ввода технических команд.

Тест режима полного ручного управления.

Теперь все в его руках.

Проверка уровня энергооснащенности.

Зарядка накопителей гиперпривода – 90 процентов.

Лазерные зенитные комплексы – энергоснабжение включено.

Двигатели планетарной тяги – окончание процесса заправки через три минуты.

Тест серводвигателей на ручном управлении – отклик получен...

Файзулло может начинать плакать...

Привкус адреналина постепенно

проявлялся все четче. Мощный, изящный аэрокосмический истребитель – преданная пилоту горбоносая птица – шевельнул холодными лепестками дюз, имитируя изменение вектора тяги.

Тест пройден.

Ангар уже опустел. Сгореть заживо при продувке сопел желающих не нашлось. Ганианцы были уверены в себе. Боекомплект в находящихся на консервации машинах по регламенту отсутствовал, взлетно-посадочная полоса заблокирована двумя почвоукладчиками, к которым только что подъехал завершивший перекачку топлива заправщик.

Тот, кто привык рисковать жизнью исключительно за деньги, не может правильно оценить таких людей, как Таманцев.

Замки пилот-ложемента сдвинулись в положение «старт».

Иван не включал коммуникатор, не давал предупреждений. Истребитель, будто очнувшись от вековой спячки, вздрогнул, мягко осел на подвеске комбинированного шасси, затем раздался звук блокируемых тормозов, и вдруг ослепительное гудящее пламя вырвалось из дюз планетарной тяги.

В двух километрах от ангара среди пустыни вдруг взметнулись мутные горячие смерчи, тонны песка швырнуло в небеса, обнажая древние технические шахты, по которым из ангара отводилось обжигающее дыхание ожившей машины.

Ганианцы уставились на необычное для пустыни явление – два огненных столба взметнулись на сотни метров ввысь, на лету превращая песок в стекло.

Одна десятая процента маршевой тяги.

Над скошенными крыльями «Фантома» открылись зрачки испускающих трубок курсовых лазерных орудий, полностью скрытых в приливах брони.

Еще один горячий выдох, и вдруг...

Кто-то оцепенел, кто-то истошно заорал, когда на фоне освещенного отсветами пламени прямоугольного въезда в подземный ангар внезапно появился контур аэрокосмического истребителя.

Еще секунда, и лазерные разряды курсовых орудий впились в цистерну заправщика.

Посреди расчищенного от песка древнего участка стартопосадочных полей внезапно расцвел багряно-черный сгусток взрыва, ударная волна тугим валом рванулась во все стороны, сметая препятствия, но истребитель, отработав реверсом двигателей, успел

попятиться, скатываясь под защиту уклона пологого пандуса.

Два техника, сбитые с ног взрывной волной, не обращая внимания на вопли и проклятия ганианцев, поднялись, отряхивая песок, неотрывно наблюдая за истребителем, который вновь показался на границе пандуса и расчищенной от препятствий взлетно-посадочной полосы.

Кто-то из наиболее рьяных охранников успел прийти в себя и попытался остановить «Фантом» длинной очередью из импульсной винтовки, но пули лишь рикошетили от брони истребителя, не причиняя машине ни малейшего вреда.

Секунду «Фантом» стоял, озаренный отсветом набирающего силу пламени, рвущегося из турбин планетарных двигателей, а затем, резко сорвавшись с места, начал разгон.

– Фрайг... Говорил тебе, что на нем могут быть установлены лазеры... – выругался один из техников, провожая взглядом древнюю машину, которая уже оторвалась от взлетной полосы и начала резко набирать высоту.

– Файзулло с нас шкуру сдерет... С живых... – угрюмо заметил второй.

– Посмотрим... – Ненавидящий взгляд отыскал в темных небесах яркую точку. – Ему все равно не уйти. Реактор не успеет выйти в режим формирования плазмы.

– Тебе от этого легче? Собьют его на орбитах или нет, нам уже по... – он грязно выругался. – Думай, как теперь отмазываться будем?

– Так кто знал, что он сможет взлететь на ручном управлении?

Их диалог был прерван появлением Тамриза и двух вооруженных охранников.

— Пошли, — хмуро обронил ганианец. — Файзулло желает видеть вас обоих.

* * *

«Фантом», резко набрав высоту, уходил к границе стратосферы. Таманцев не хуже оставшихся на земле техников понимал, что реактор не успеет выйти на необходимую мощность, — для перехода на плазменную тягу не хватало времени, он и так сделал практически невозможное, заставив машину взлететь спустя всего час после отмены консервационного режима.

Планетарного топлива для боевых маневров ему не хватит, но Иван и не рассчитывал затевать рискованную дуэль в районе низких орбит. О несанкционированном взлете

истребителя уже наверняка сообщили силам планетарной обороны, и появление перехватчиков — дело нескольких минут.

В финальной части рискованного плана Таманцев уповал лишь на гипердрайв. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что включение гиперпривода в границах стратосферы спровоцирует слепой рывок и полностью истощит бортовой запас энергии, но иного выхода из ситуации не существовало.

Он должен рисковать до конца.

Датчики на панелях управления показывали девяносто пять процентов зарядки гиперпривода. Уже достаточно для прыжка. Нет смысла тянуть, дожидаясь появления перехватчиков противника.

Иван не мог отдать мысленную команду через системы импланта,

пришлось тянуться рукой до пульта и касанием сенсора, помеченного соответствующим текстоглифом, запускать командную последовательность для генератора высокой частоты.

Истребитель встряхнуло.

Обзорные экраны внезапно наполнила чернильная тьма, свет в рубке погас, на панелях ручного пилотирования зардели предупреждающие огни включившихся аварийных подсистем: «Фантом», провалившись в аномалию космоса, стал неуправляем, энергии едва хватало для поддержания работы масс-детектора, впрочем, от его показаний проку также не было – совершить управляемый обратный переход Иван не мог, он уповал только на знание законов аномалии космоса, которая сама станет отторгать физический

объект с низким энергетическим потенциалом в область привычного для человека трехмерного континуума.

Гадать, куда именно вышвырнет его гиперсфера, Таманцев даже не пытался.

Расчет капитана, основанный на знаниях в области современной гиперсферной навигации, позволял предположить короткий прыжок, не более чем на полсотни световых лет, а значит, точка обратного перехода будет расположена в границах Обитаемого Космоса.

Ему останется лишь набраться терпения, дать бортовому реактору время на зарядку накопителей энергии, а затем, определившись со звездным окружением, совершить еще один, уже полностью управляемый прыжок на координаты ближайшей системы — любой, лишь бы в ее границах располагалась база ВКС Конфедерации.

* * *

Все сложилось не так.

Таманцев, не отрывавший взгляда от масс-детектора — единственного навигационного прибора, способного работать в условиях аномалии космоса, понял, что его план рухнет, — на прорыв метрики трехмерного континуума «Фантом» израсходовал практически всю энергию. Надежда продержаться в аномалии хотя бы пять минут, чтобы уйти в прыжке на достаточное расстояние от системы Ганио, таяла с каждой секундой — гиперсфера не терпела объектов с низкой энергетикой, неизменно отторгая их назад, в «привычный» для человека космос.

Если «Фантом» выбросит в пределы системы Ганио — это верная смерть,

учитывая совершенный побег.

Рассудок Таманцева искал выход, и надежда вновь забрезжила, когда он вспомнил о некоторых странностях гиперсферной навигации данного сектора.

Помимо маркированных² линий напряженности аномалии, связывающих Ганио с известными звездными системами, существовала еще одна загадочная и бесполезная в практическом плане курсовая нить. На всех навигационных картах она обозначалась слабым едва приметным пунктиром, со знаком опасности, предупреждающим, что данная линия не ведет *никуда*.

Действительно, в период картографических исследований, продвигаясь вдоль упомянутой

² Маркированные линии и гиперсферы ведут к заранее известным системам. Немаркированные – уводят к неисследованным звездам.

горизонтали гиперсферы, автоматы разведки удалялись на десяток световых лет от Ганио, где слабый поток энергии обрывался, рассеивался.

Иван мыслил быстро, логично и последовательно. Для зарядки накопителей ему нужно покинуть систему Ганио, оторваться от любого вероятного преследования, и здесь приходилось использовать знания, полученные человеческой цивилизацией не так давно.

Каждая силовая линия напряженности аномалии не только связывала между собой ближайшие звездные системы, но и могла быть использована в качестве своеобразного гиперпространственного туннеля. Данное свойство открыли расы логриан и инсектов, создав на основе горизонталей гиперсферы транспортную сеть, связавшую

космические поселения логриан со Сферой Дайсона, построенной инсектами, и скоплением О'Хара, где в те далекие времена обитали хараммины – гуманоиды, похожие на людей.

Существовало лишь одно условие, при котором материальный объект мог быть захвачен энергетическим потоком аномалии космоса и продвигаться в нем, не рискуя быть разрушенным, – материальное тело не должно противопоставлять движению энергию собственных силовых установок.

Лишившийся энергии «Фантом» вполне удовлетворял данным условиям, а расстояние в десять-пятнадцать световых лет вполне устраивало Ивана.

Он отыскал в полусфере масс-детектора едва приметную тонкую зеленоватую нить, обозначающую искомую линию напряженности гиперсферы, и, включив двигатели

планетарной тяги, начал филигранный маневр вхождения в энергетический поток аномалии.

В итоге истребитель, вместо того чтобы совершить спонтанный переход в метрику трехмерного космоса, был захвачен немаркированной горизонтальной линией напряженности.

Еще несколько секунд, и маркер машины совместился с дрожащей нитью, начиная движение внутри ведущего в никуда «гипертоннеля».

Таманцев был спокоен, он рассчитал все, но шли минуты, а линия напряженности не обрывалась, напротив, захватив материальное тело, она как будто стала ярче, стабильнее, обрела свойство непрерывности...

Спустя час Иван больше уже не строил иллюзий, машина была прочно захвачена энергетическим потоком новоявленной горизонтали и теперь

двигалась в границах естественного гиперпространственного тоннеля.

Ему снова вспомнилось, что насекомоподобные существа расы инсектов не совершали «слепых рывков», они строили свою межзвездную транспортную сеть, внедряясь в существующие линии напряженности аномалии при помощи стационарных порталов, расположенных, как правило, на поверхности планет.³

Возможно, фрагмент силовой линии был создан искусственно? Так или нет, он скорее всего не узнает. Теперь надежда на то, что гиперсфера отпустит истребитель в границах Обитаемого Космоса, становилась все призрачнее, — шли минуты, а обратный переход не происходил.

Именно так становились

³ Речь идет о существах с планеты Рай. Подробнее смотри роман «Потерянный Рай».

невозвращенцами многие колониальные транспорты эпохи Великого Исхода.

Таманцев прекрасно понимал, что, идя на риск, не смог учесть все вероятности, и теперь его истребитель разделит участь сотен пропавших кораблей.

Его охватила дрожь.

Впервые с момента рокового боя в системе безымянной звезды в глазах Ивана появилось выражение медленно растущего ужаса: гиперсфера влекла истребитель, как влечет бурный поток крохотную щепку, надежда на возвращение таяла с каждой минутой, проведенной в пространстве «Великого Ничто» – так в просторечье именовали аномалию суеверные навигаторы.

На обзорных экранах по-прежнему царил чернильный мрак, уровень зарядки накопителей гипердрайва

показывал всего пять процентов от необходимой мощности, — он не мог прервать рокового скольжения, примитивный масс-детектор древнего «Фантома» не был оснащен счетчиком энергоуровней, и оставалось лишь догадываться, чему на самом деле равняется одна минута, проведенная тут.

Горизонталь, в поток которой попал истребитель, оборвалась внезапно, спустя несколько часов томительного, изматывающего ожидания.

Иван увидел, как линия на масс-детекторе расходится тремя нитями гравитационных взаимосвязей неизвестной ему звездной системы, «Фантом», по-прежнему двигаясь в энергетическом потоке аномалии, спонтанно перешел на один из коротких финишных отрезков, и вдруг бледная вспышка обратного перехода

осветила темные экраны обзора.

Гиперсфера зло пошутила над пилотом, поставив жирную точку в его рискованном плане бегства с Ганио, — аэрокосмический истребитель с десятипроцентным запасом планетарного топлива отторгло в трехмерный космос в границах стратосферы неизвестной Таманцеву планеты.

* * *

Он падал.

Объятый пламенем «Фантом» едва слушался рулей. Угол входа в атмосферу планеты оказался слишком велик, чтобы Иван успел совершить эффективный маневр торможения на остатках планетарного топлива и перевести машину в режим аварийного планирования.

Астронавигационные рули
выламывало из-под пальцев,
отключенные автопилоты ничем не
могли помочь человеку, даже если бы
он сейчас задействовал все
кибернетические компоненты системы,
участь истребителя все равно была
предрешена – двигатели планетарной
тяги смолкли тридцать секунд назад,
горючего не осталось, реактор
показывал лишь пятьдесят процентов
мощности, и рассчитывать на
плазменную тягу не приходилось.

Ивану не удалось стабилизировать
машину в горизонтальном полете, он
сжег остатки топлива в тщетной
попытке погасить скорость, и теперь у
него оставался только один выход –
катапультироваться.

«Фантом» ярким болидом пронзал
плотные слои атмосферы, внизу
простирался сплошной облачный

покров, броня корпуса пока держалась, но внешние датчики сгорали один за другим.

Бороться до конца, никогда не сдаваясь, — так учила его жизнь, но сейчас глухая тоска сжала сердце. Он ощутил безысходность. Что толку в катапультировании над мертвым, непригодным для жизни миром? На что он надеялся, до последнего оставаясь в рубке, рискуя промедлить до того момента, когда начнут размягчаться бронеплиты корпуса и система катапультирования попросту не сможет сбросить бронепокрывание?

Облака расступились внезапно. «Фантом» к этому моменту снизился до пяти километров, экраны внешнего обзора гасли, и все же он увидел внизу, среди темноты (падение машины происходило над ночной стороной планеты), яркую россыпь

расположенных концентрическими кругами огней, а чуть дальше, словно два изломанных крыла исполинской огненной птицы, две линии освещенного пространства, протянувшиеся на несколько десятков километров, словно под днищем машины промелькнула линия титанических, защищающих город укреплений.

Рука машинально рванула рычаг катапультирования.

Истребитель, снижаясь, успел пересечь линию огней и удалиться на несколько сот километров от нее, прежде чем закрывавшие рубку бронеплиты были сброшены, и удар аварийно-спасательной катапульты швырнул закрытый амортизационными дугами пилот-ложемент в ночные небеса неведомой планеты.

Таманцев не потерял сознания от

перегрузки, и помутившемуся взору Ивана открылась картина, которую видели немногие из пилотов: «Фантом», распадаясь на части, уходил к земле объятый пламенем раскаленными фрагментами, а он, падая вслед обломкам машины, вдруг ощутил резкую перегрузку: включились, сжигая собственный запас топлива, посадочные двигатели ложемента, затем резкий рывок — и смена динамических нагрузок возвестила об успешном срабатывании парашютной системы. Внизу раскатисто ударило несколько взрывов, земля приближалась стремительно, в ночи среди бескрайнего лесного массива полыхали деревья, подожженные упавшими обломками машины, а Таманцев, еще не веря в невероятное стечение обстоятельств, мысленно молил лишь об одном: пусть огни,

расположенные геометрически
выверенными окружностями,
действительно окажутся городом, а не
природным явлением или хуже того –
предсмертной игрой воображения.

Мысли погасил жесткий удар:
ложемент пробил раскидистые кроны
деревьев, полотнища парашютов не
выдержали, с треском и хлесткими,
перерубающими ветви ударами
полопались стропы, отпуская
заключенное в амортизационный
каркас кресло пилота.

Глухо хлюпнуло, вздыбилось
пологими волнами небольшое болотце,
словно под покровом оранжевого мха
перекатывались мускулы, ложемент
погрузился в мутную жижу примерно
наполовину и, покачнувшись, застыл.

Момент окончательного падения
помнился смутно.

Таманцев очнулся уже в болоте,

страховочные ремни автоматически расстегнулись, он сполз с кресла, окунувшись в бурюю жижу. Болотце оказалось неглубоким, ноги сразу почувствовали дно, амортизационные дуги каркаса исправно разомкнулись, но Иван инстинктивно постарался отползти подальше – сейчас главное не повредить скафандр...

Выбравшись на сухой участок, поросший тонкими, чахлыми деревцами, он позволил отработать системе жизнеобеспечения: несколько уколов в шею привели его в чувство, зрение прояснилось, но все же пережитый шок, перегрузки, динамические удары при раскрытии парашютов и падении сквозь кроны – еще некоторое время давали о себе знать. Он сидел на подстилке из оранжевого, испятнанного бурными вкраплениями мха и постепенно

приходил в себя. Вокруг плясали изломанные, гротескные тени, в ночи раздавался гул и сухое потрескивание. В сотне метров от него бушевал пожар, разделенный небольшими болотцами на десяток крупных очагов. Тени, что плясали вокруг, то укорачиваясь, то удлиняясь, отбрасывали растущие на болоте деревья с мощными стволами и объемными шарообразными кронами. Их листья, похожие на тонкую, острую осоку, свисали почти до самой земли. В свете пожара деревья выглядели словно подставки в супермаркете, на которые надеты парики...

Некоторое время Иван провел в прострации, потом, когда действие стимулятора прокатилось горячей волной по мышцам, заставив их сокращаться в бесконтрольной дрожи, он наконец поверил, что спасся, пережил крушение и действительно

сидит на покрытом чахлой растительностью бугорке, среди бушующего пожара, объятых огнем деревьев и шипящих, истекающих паром заболоченных низин.

Ветра практически не было, дым поднимался вертикально вверх, не скапливаясь у земли, вокруг было светло как днем, лишь плясали тени, да из тьмы, что сгущалась метрах в двухстах по окружности, доносились жутковатые звуки.

Огня Иван не опасался, рядом располагалось множество неглубоких водоемов, если деревья не выдержат и начнут падать, он всегда может нырнуть, переждав некоторое время под слоем бурой илистой жижи. Бежать от пожара, учитывая, что он сейчас находился в центре очагов возгорания, не показалось ему разумным. Огонь, набирая силу, начнет распространяться

во все стороны, проще выждать некоторое время тут, а затем двигаться по выгоревшим участкам, не убегая от огня, а следуя за ним...

Несколько мгновений спустя Иван понял, что не один он такой умный. Из причудливой сетки теней внезапно материализовалось мощное, тяжеловесное животное, оно двигалось на четырех кривых, будто вывернутых в суставах лапах. Огромная голова с маленькими глазками и огромной разинутой пастью показалась ему отвратительной и жуткой.

Заметив человека, животное взревело.

Иван не стал дожидаться его дальнейших действий — любой скафандр боевой модификации оснащался не только комплектами выживания, но и личным оружием. Таманцев предпочел не рисковать:

выхватив импульсный пистолет, исправность которого проверял еще перед самым стартом, он мгновенно перевел вариатор типа боеприпасов в положение «бронбойный» и выстрелил несколько раз подряд, целясь в голову животного, обезумевшего от полыхающего рядом огня.

Огромная туша, весом никак не меньше нескольких центнеров, сначала поднялась на дыбы, огласив окрестности громоподобным ревом, а затем рухнула в небольшое болотце, сотрясаясь в конвульсиях.

Таманцев медленно опустил оружие. Некоторое время он опасался, что животное сейчас поднимется, настолько огромным и мощным оно выглядело, но, похоже, бронбойные пули все же прикончили его.

Хотелось вытереть выступившие на

лбу капельки пота, но мешал гермошлем.

Через некоторое время пожар пошел на убыль, видимо, дальше также простиралась заболоченная местность, не давшая распространяться огню.

Он встал, сканируя окрестности. Пятна тепловой засветки сильно мешали работе систем обнаружения, но, кроме них и туши убитого животного, зафиксировать другие очаги тепла ему не удалось. Если тут и обитали иные представители животного мира планеты, они поспешили убраться от места падения обломков истребителя, напуганные катастрофой и вспыхнувшим за нею пожаром.